

АННА ЯФОР

В ТЕНИ
ЗОЛУШКИ

Аннотация

Старая, как мир, история. Он — молодой, красивый, богатый. Имеющий все, о чем можно мечтать, и даже больше. А ее единственное достояние — искреннее сердце и готовность любить.

Их случайная встреча привела к множеству событий, сложившихся во вроде бы знакомый сюжет. Только красивая сказка про Золушку в реальности закончилась совсем иначе, потому что в ЕГО мире ценятся другие сокровища, а ЕЙ совсем не нужен фальшивый принц.

Анна Яфор

В тени Золушки

*Друг без друга у нас получается все
В нашем жизненном трудном споре.
Все свое у тебя, у меня все свое,
И улыбки свои, и горе.
Мы премудры: мы выход в конфликтах*

нашли

*И, вчерашнего дня не жалея,
Вдруг решили и новой дорогой пошли,
Ты свою пошла, я — свою.
Все привольно теперь: и дела, и житье,
И хорошие люди встречаются.
Друг без друга у нас получается все.
Только счастья не получается...*

Э.Асадов

Пролог

Гора мышц. Мощные плечи. По-прежнему — ни грамма лишнего веса. И все так же непростительно красив.

Казалось бы, уже ничего не должно удивить. Что она, мужиков не видела? Каждый день — десятки. Разного возраста, положения, внешности. Но ни одного — хоть немного похожего.

И ведь знает, мерзавец, какое впечатление производит. За те пятнадцать минут, что ему пришлось ждать своей очереди, успел очаровать всех девчонок. Как обычно, даже не прилагая для этого особых усилий. Нисколечко не изменился. Тот же напыщенный самоуверенный индюк, считающий, что земля вертится ради него одного. Интересно, такие до старости, до самой смерти остаются предметом вожделения всех окружающих женщин?

А дотрагиваться до него приятно. Кожа гладкая, ровная, без единого дефекта. И диет никаких не надо — незаслуженный дар, о котором другим только мечтать приходится. Свежий, словно только после душа. Шикарный парфюм, который стоит наверняка больше, чем она зарабатывает за месяц.

Руки устали. Седьмой час работы, уже пальцы сводит и так привычно ноет позвоночник. Зачем

она согласилась взять еще одного клиента? Лучше бы сходила с Мишкой в кино. Ее неумное стремление заработать в этот раз сыграло плохую службу. Теперь придется терпеть целых десять дней, делая вид, что ее давно ничего не касается. Очень даже касается, особенно когда приходится касаться его!

Еще и общий массаж! И за что ей такое наказание?! Ладно, хоть молчит, разговоры сейчас вовсе ни к чему...

А может, он ее не узнал? Сколько в его жизни было таких дур? Наивных девчонок, ждущих, что в один прекрасный день сказка станет реальностью? Невозможно поверить, что и она попала в их число. Банальный сюжет, прямо до оскомины на зубах. А ведь и правда ждала. С ума сходила. Любила до умопомрачения. И так надеялась, что именно она-то и станет единственной.

Сколько времени прошло до тех пор, пока ее место заняла другая? Месяц? Неделя? И дню бы не удивилась. Сложно устоять: шансы практически равны нулю. Ему достаточно только поманить — и весь мир у его ног.

Взглянула на кисть правой руки и усмехнулась про себя. Естественно, ну откуда у него взяться жене? Не родилась еще такая, что удостоилась бы чести оказаться на этом месте. Хотя... Не такая уж то и честь. Ей точно не надо.

Хватило счастья. И чего стоит даже фантастический секс, если сердце пустое?

Сдвинула полотенце, скрывающее бедра и невольно залюбовалась: хорош, как ни крути. Такие тела снимают в кино, размещают на обложках журналов. А вот получить его в собственность не стоит и пытаться. Обидно, что она не поняла этого с самого начала.

На самом деле жалеть-то ей не о чем. В проигрыше не осталась. Да и урок усвоила хорошо, в другой раз уже не повторит ошибок. Ее никто не посмеет бросить. Никогда. И от него ушла сама, чтобы не доставить удовольствия расстаться. А теперь хозяйка своей жизни. Сама платит и за себя, и за свои ошибки. И даже превратившаяся в тыкву карета оказалась вполне приемлемой для существования.

— Можно повернуться.

Хорошо, что у него закрыты глаза. А на ней — маска, скрывающая лишние эмоции. Впервые в жизни порадовалась этому обременительному атрибуту работы. Не хватало еще, чтобы он заметил, как она облизывает губы, ставшие отчего-то слишком сухими.

Плечи напряжены до болезненности. Обычно подобное вызывало в ней сочувствие. Сейчас — какое-то почти детское злорадство. Можно подумать, боль, которую он испытывает, способна

хоть как-то компенсировать пережитое по его вине.

Живот — просто произведение искусства. Рельефные кубики пресса — дурацкое сочетание, но по-другому об этом и не скажешь. Впору фотографировать и показывать современным подросткам, как должен выглядеть настоящий мужчина. Главное не признаться, насколько мелка его душонка.

Никогда раньше не думала о том, какими привлекательными могут быть мужские ноги. Ступни идеальной формы. Блестящие ногти. Он педикюр делает? Природа ведь не настолько щедра...

Что-то она увлеклась... Ну как могут нравиться колени??? Так бы и смотрела бесконечно, позволяя воспоминаниям воспарить над здравым смыслом.

А вспоминать было что... Но сейчас она на работе, и это красивое тело — всего лишь объект. Один из десятков, сотен других, пусть и не таких впечатляющих. Она немного полюбуется и забудет обо всем. Или не забудет, но к прошлому уж точно возврата не случится. Даже если бы он стал умолять.

Чуть не рассмеялась, вновь порадовавшись маске. Умолять? Ха-ха, хотелось бы ей на это посмотреть. Дорого бы заплатила, чтобы увидеть его унижение.

Наконец-то натянула на мужчину покрывало, едва сдержав вздох облегчения.

— Полежите спокойно несколько минут.

Он приоткрыл глаза, окинув ее затуманенным взглядом. Хорошо хоть не уснул, и такое нередко случалось. Кивнула ему и уже собралась уходить, как вдруг ощутила прикосновение пальцев к своему запястью. По лицу расплзлась довольная улыбка, как у сытого, разморенного кота.

— Соскучилась? Женечка...

Брезгливо поморщившись, она стряхнула его руку, будто боясь испачкаться.

— Все еще думаешь, что ты король? Нет, милый, ты и принцем-то никогда не был. Шут гороховый...

Глава 1

Расслабившись от прикосновений ее рук, Антон не заметил, как терзающая столько времени боль стала утихать. А когда понял это — несказанно удивился. В последние дни ему вообще приходилось использовать обезболивающие средства. После приема таблеток становилось значительно легче, только ненадолго. Потом боль возвращалась по новой, становясь еще сильнее.

Причин для такого состояния вроде бы и не было. Вспомнились слова врача о том, что он

слишком расточил свои ресурсы, но эту мысль мужчина отогнал, как назойливую муху. Что значит «расточил»?!. Ему всего тридцать два года, и он здоров как бык. Или как слон. В общем, просто здоров, только вот спина подводит: сказывается чересчур напряженная работа. Если бы отдохнуть хоть немного...

Только запланированный отпуск опять отложился. Возникшие на работе трудности снова напомнили о его незаменимости. Ну не мог он бросить фирму как раз теперь, когда одна за другой посыпались налоговые проверки и постоянные визиты правоохранительных органов. В этом не было ничего удивительного: большие деньги всегда сопровождались повышенным вниманием со стороны властей, но необходимость его присутствия оказалась налицо. Потому и пришлось прибегнуть к содействию лекарств, да еще и заявиться в этот дурацкий салон.

«СПА». Слово-то какое. Он почти с отвращением воспринял щебетание Кристины, посещающей подобные заведения регулярно. Это она и записала его на массаж, расхвалив при этом массажистку до такой степени, что у него возникло впечатление, будто речь идет не иначе как о волшебнице, способной унять любую боль. В подобный бред он не верил, но уступил, не желая спорить: себе дороже. Лучше потерпит десять дней:

хуже-то все равно уже не будет. Сам с гораздо большим удовольствием предпочел бы сеансы на своей территории. Не любил он подобные общественные места, даже парикмахера уже много лет приглашал домой. И хотя давно пора было расстаться с детскими страхами, никак не получалось это сделать. Не стремился особенно, ведь за свои деньги мог позволить любой каприз. Кроме столкновения с капризами Кристины... Потому и подчинился ее выбору, лишь тщательно изучив все необходимые сертификаты заведения, куда она так активно пыталась его затащить, да потребовал соблюдения максимальной стерильности.

Но оказавшись в уютном, пропитанном каким-то незнакомыми запахами кабинете, понял: в этом на самом деле что-то есть. Тихая музыка расслабляла, ароматы — навевали странные, но приятные мысли, а массажистка...

А массажисткой оказалась Женька... Его Женька... И он не знал, как реагировать на такую неожиданную встречу. В отличие от собственного тела, мгновенно узнавшего руки, которые за столько лет так и не смог никто заменить. Он возбудился практически с первой минуты, едва она дотронулась до его плеч. Как неопытный пацан мог думать лишь о том, чтобы женщина не заметила его состояния. И мечтать, чтобы этот массаж длился

как можно дольше. И вспоминать... Хотя, нет: разве можно вспомнить то, что и не забывал никогда?

* * *

Эта девушка слишком привлекала внимание. Он даже отвлекся от дел, ради которых оказался в ресторане, невольно залюбовавшись незнакомкой. Красивой она не была, но что-то цепляло, заставляя вновь и вновь возвращаться взглядом к столику с одинокой гостьей. Она, казалось, наслаждалась своим одиночеством. Ела очень медленно, как ему удалось заметить, какое-то сложное блюдо, смакуя каждый кусочек. Улыбалась собственным мыслям. И явно чувствовала себя в этом (отнюдь не дешевом!) заведении абсолютно уверенно.

Он привык с ходу определять «стоимость» людей. Научился за несколько лет. Не потому, что стремился заглянуть в чужой кошелек, так вышло: выбирая партнеров для бизнеса, ему пришлось выработать в себе подобную чуткость. Это помогало избежать ошибок, которые в его мире могли оказаться чересчур дорогими.

И, рассматривая девушку, прекрасно осознавал цену надетых на нее вещей. Костюм из элитного бутика, идеально подходящий к стройной

фигуре. Подчеркивающий... Она и без этого подчеркивания была хороша, но одежда выгодно оттеняла все ее достоинства. В колье на тонкой изящной шее — настоящие бриллианты. Неброские, но смотрящиеся на ней более чем уместно. Шикарные волосы. Красивые, ухоженные руки. Почти все его знакомые предпочитали длинные, разукрашенные ногти, а у нее даже обычного лака не было. Но движение гибких, изящных пальцев завораживало, вызывая совершенно неожиданные ассоциации: он не привык придаваться сексуальным фантазиям с незнакомками, но теперь ничего не мог с собой поделать.

Это... пугало. И толкало на немислимые прежде поступки: подозвав к себе администратора, распорядился немедленно доставить букет цветов. Любых, лишь бы достаточно красивых. Согласно кивнул на выдвинутое робкое предложение: пусть будут розы. Какая разница, сколько? Две сотни. Нет, лучше три. И как можно скорее.

Наполнившее вскоре зал благоухание не осталось незамеченным другими посетителями. Но их мнения его мало интересовали, а вот реакцию девушки ждал с нетерпением. Роскошный жест не мог не произвести впечатление: она скользнула глазами по букету фантастических размеров,

будто не веря, что подобная красота предназначена для нее. На лице промелькнула целая гамма чувств: недоумение, растерянность, сменившиеся почти детским восторгом. Антон мысленно поздравил себя с успешным шагом: все-таки цветы — практически беспроигрышный вариант!

Приблизился к столику незнакомки, сопровождаемый ее явно заинтересованным взглядом.

— Вы меня с кем-то спутали... — она улыбнулась. — Я Вас не знаю.

— Досадное упущение, — присел за ее столик, не дожидаясь разрешения. — Надеюсь исправить его как можно скорее. — Поднес к губам тонкую ладонь: — Антон.

— Вы таким образом пытаетесь со мной познакомиться? — ее бровь выразительно приподнялась. Умелый макияж. Почти незаметный, но ее помада точно не оставляет следов, а тушь не посыплется, если кожа вдруг станет более влажной, чем это допускается приличиями. И вблизи ее лицо еще более привлекательно, чем ему показалось.

— Не пытаюсь. Я УЖЕ это делаю. Вы ведь не против?

Она задумчиво окинула его взглядом.

— У меня есть выбор?

Умница. Все прекрасно понимает.

— Нет. Я почти всегда добиваюсь того, чего хочу. А сейчас...

Он чуть было не сказал «я хочу Вас», но остановился в последний момент. Все-таки слегка преждевременно, хоть и очевидно.

— Вы меня впечатлили.

Девушка опять улыбнулась:

— Чем же?

— Не поверите: всем. Необычной внешностью, раскованностью, то, с каким удовольствием Вы ужинали в полнейшем одиночестве, не стараясь никому понравиться.

На ее губах заиграла лукавая усмешка.

— А может быть я специально выбрала такую тактику? Чтобы кого-то впечатлить?

Он покачал головой:

— Не верю. На актрису Вы не похожа: слишком искренне все делаете.

— А на кого похожа?

Задумался: кем она могла быть? Дочкой богатого дельца? Или подругой? Почему-то не приходила в голову никакая профессия, которая была бы уместной для нее. Разве что художница, с такими-то выразительными руками.

Девушка засмеялась, наблюдая за выражением его лица.

— Облегчу Вашу задачу: я массажист.

Массажист? Отлично! Даже он не придумал бы шутки оригинальней.

— А за массаж теперь платят бриллиантами? Или сеанс включает в себя какие-то особенные услуги? Очень дорогостоящие?

Антон даже не успел подумать, что именно сказал. Незнакомка не перестала улыбаться, только глаза мгновенно превратились в две льдинки, и воздействие этого льда он ощутил почти физически, будто оказался под холодным душем, нырнул в сугроб после сауны, соприкасаясь обнаженной кожей с безжалостным снежным холодом.

— Знаете, а я передумала... знакомиться. И заберите свои цветы — душно от них.

Он не успел возразить: махнула рукой, подзывая официанта.

— Будьте любезны, избавьте меня от общества этого молодого человека.

* * *

— Подожди...

Женя обернулась.

— Через десять минут можно встать.

Плевать он хотел на отдых!

— Да сними ты эту штуковину! — дернул закрывающую лицо маску почти с яростью, которая

в тот же миг сменилась удовлетворением: Женька стала еще красивее. Ярче. Уже не девчонка с трогательной округлостью щек. Взрослая женщина... которую он, кажется, хочет еще сильнее, чем прежде.

Рассмеялась в ответ на его жест.

— Это было твое пожелание: чтобы массажист находился в маске. Я всего лишь выполняла требование клиента.

— Клиент передумал.

Кивнула, становясь серьезной.

— Я учту. Отдыхай.

Игнорируя ее рекомендацию, спрыгнул с кушетки, пытаясь нагнать девушку, скрывшуюся в соседней комнате.

— Выход — с другой стороны, — она застыла у раковины, так тщательно отмывая руки, словно пытаясь спрятать за этими движениями что-то. Или избавляясь от следов прикосновения к его телу?

— Я знаю, где выход, — шагнул к ней. — Жень, нам надо поговорить.

— Правда? — в ее глазах на мгновение мелькнула заинтересованность. — И о чем же?

— Почему ты меня бросила?

— Я не бросила. Я ушла мыть руки, оставив тебя отдыхать после массажа.

Он хмыкнул почти с раздражением:

— Прекрати! Ты прекрасно поняла, что я

говорю совсем о другом! Почему сбежала тогда?

Женя медленно повернулась. Вытерла руки, опять, как ему показалось, излишне демонстративно.

— А ты не поздновато интересуешься?

Это его вконец разозлило.

— Ты не дала мне возможности спросить раньше! Исчезла бесследно! Я не мог тебя найти!

Она рассмеялась.

— Антош, с твоими возможностями ты нашел бы меня в течение суток, если бы захотел.

— Ты сердишься, что я этого не сделал?

Покачала головой.

— Я вообще не сержусь, с чего ты взял?

— Тогда объясни! Нам ведь было хорошо вместе.

Снова смех.

— Разве я когда-то это отрицала? Просто уже нет смысла что-то вспоминать. И выйди: мне надо переодеться.

Он ответил быстрее, чем успел обдумать свои слова:

— Я могу увидеть что-то неожиданное?

Ее глаза, как при первой встрече, мгновенно наполнились ледяным холодом.

— В самом деле, что это я...

И больше не глядя на него, начала раздеваться. Сбросила рубашку, открывая взору

мужчины идеально ровную спину. Кружево. Как всегда, белоснежное. В тесной комнатенке внезапно почти не осталось воздуха.

Вцепился глазами в тонкие полоски ткани на бедрах, невольно дернувшись в ее сторону и почти впиваясь ногтями в собственные ладони. Она прошипела, не оборачиваясь:

— Еще один шаг — и я вызываю охрану.

Мужчина мотнул головой, стряхивая наваждение. Ну почему всегда ведет себя с ней, как какой-то неуравновешенный подросток? С самой первой встречи... И нет бы хоть теперь отвернулся: так и продолжал пялиться, как она одевается. Как будто реально не видел ничего подобного. Только сумел выдавить:

— Прости меня...

— Прощаю. А теперь убирайся.

— Жень. Я не собирался тебя обижать.

Правда, солнышко... Просто хотел поговорить.

Усмехнулась, хотя он вроде бы не говорил ничего смешного.

— Я действительно спешу.

— Могу подвезти, — глупое заявление: прекрасно знал, что она откажется. Даже не удивился этому.

— Меня есть, кому подвозить, СОЛНЫШКО... Ты бы лучше оделся: мышцы разогретые, спину продует — никакой массаж не

поможет, — и, не дожидаясь ответа, торопливо прошла к выходу.

Глава 2

Женя нырнула в автомобиль, поджидающий ее у дверей салона. Привычным жестом обняла мужчину, сидящего за рулем. Привычно подставила губы для поцелуя. И привычно не испытала ни волнения, ни даже особой радости. Уж точно ничего хоть отдаленно напоминающего ощущения, настигшие ее всего несколько минут назад в кабинете.

Ее такой знакомый, предсказуемый Миша. Заботливый и внимательный. Она почти всегда знала, чего от него ожидать, доверяла иногда больше, чем самой себе. И было непонятно, почему в ее сердце нет тех чувств, которые она уже отчаялась дожидаться. И не только по отношению к нему — к любому другому, кроме единственного на свете человека, абсолютно этих чувств не заслуживающего.

Нет, она не томилась неразделенной любовью к своему неожиданному клиенту. Давно вышла из того возраста, когда девушки горькими слезами оплакивают несбывшуюся мечту. Жила ни в чем не хуже, а где-то и лучше других, имея для жизни все необходимое. А отсутствие рядом

самовлюбленного красавца считала скорее успехом, чем проблемой.

Женя была в этом уверена до сегодняшнего дня, пока не увидела воочию объект своих несостоявшихся надежд. Такой же умопомрачительно привлекательный, как прежде. И такой же далекий. Вновь порадовалась, что за столько времени их знакомства Михаил ни разу не настаивал на переходе отношений к другой, более серьезной стадии. Неважно даже почему: сам ли того не хотел или видел, что она не готова.

У нее даже не поворачивался язык назвать мужчину своим любовником. Не было любви в их связи, по крайней мере, с ее стороны. Ни разу, даже в самые яркие, запоминающиеся мгновенья сердце не воспарило, не затрепетало так, как всего за несколько минут в присутствии ... — Женя грустно улыбнулась: ее отсутствующей части. Так и не вернулась на место когда-то подаренная ему частица ее самой.

* * *

Следовало не просто пересесть за другой столик — вообще покинуть ресторан. Демонстративно швырнуть шикарный букет прямо в лицо наглецу. Но она не смогла: слишком долго ждала подобного ужина. Заплатила за него

немало, и не собиралась позволить кому бы то ни было этот вечер ей испортить.

Возможно, если бы могла тогда предугадать все события, которые повлекла за собой необычная встреча, сбежала бы сразу и как можно дальше, не оставляя незнакомцу ни малейшего шанса.

Но он ей (к чему скрывать от самой себя?) понравился, несмотря на всю его самоуверенность. Заинтриговал. Очаровал. И было невероятно жаль, что нельзя забрать с собой потрясающие цветы. Не как ЕГО подарок, а просто как фантастическую красоту, случайно оказавшуюся в руках. Да и очень хотелось посмотреть, какой шаг он предпримет следующим. В том, что этот шаг состоится, Женя не сомневалась.

Так и вышло: парень ждал перед входом в ресторан. Небрежно облокотившись на дверцу дорожущего автомобиля, даже марка которого была ей незнакома, расположился так, чтобы гарантированно не пропустить появление девушки. Шагнул навстречу, склоняясь в почтительном и одновременно смешном поклоне.

— Я бесконечно виноват и готов на любой шаг, чтобы загладить свою вину.

Клоун. Но чарующе притягательный. И абсолютно не понятно, с какой целью она ему понадобилась.

— Единственным шагом, который Вашу вину

сгладит, будет шаг в противоположную сторону от меня. Дайте пройти.

Будто по взмаху волшебной палочки в его руках оказался букет. Уже не те, нежнейшие, благоухающие красавицы-розы — орхидеи в аккуратной изящной корзине. Редкие, завораживающие — и безумно дорогие.

— Они не пахнут, — пояснил парень. — Душно от них не будет. А я приношу свои глубочайшие извинения.

Надо было отказаться, пренебрежительно фыркнуть, как она хорошо умела, добавить холода в глаза и пройти мимо. Забыть и о незнакомце, и о его сногшибательных подарках. Но не нашлось сил.

— Еще один шанс... Чтобы на этот раз я все сделал правильно. Пожалуйста.

Улыбнулась прежде, чем согласилась этот шанс ему предоставить, выдавая радость по поводу подарка.

— Цветы я возьму, пожалуй. Как компенсацию за испорченное настроение.

— А меня возьмете? В придачу... Обещаю вести себя идеально.

Рассмеялась, уже не в силах сдержаться. Он выглядел настолько забавно, оставаясь при этом неотразимым, что устоять было невозможно.

— Вряд ли Вы на это способны...

Не ассоциировался он с человеком идеального поведения. Но с таким наверняка было бы скучно. А в том, что с Антоном ее однообразная жизнь заиграет яркими красками, сомневаться не приходилось. Только что ждет в конце этого фейерверка? И стоит ли рисковать?

Спустя годы она наверняка бы сказала: нет, но тогда почти не задумалась. Что она теряет? Свою самостоятельность и одиночество? Была почти уверена, что лишь одно движение сразу закрутит в водовороте событий, но разве не об этом и мечтала? Когда вникала в советы родителей? Когда училась прилежней всех, чтобы скорее приблизиться к тому, куда бы закрыт путь из-за отсутствия денег? Даже сегодня вечером, собираясь на очередной одинокий ужин, готовилась к нему с особой тщательностью? Словно надеясь на что-то...

Протянула ему руку.

— Женя.

Он просиял. В буквальном смысле. Вместо рукопожатия заворачивающе медленно склонился к ладони. Прикосновение губ обожгло, растекаясь по телу странным, незнакомым желанием как можно дольше задержать это мгновенье. И легкое тревожное предчувствие, встрепенувшееся в душе, девушка постаралась заглушить: все обязательно должно быть хорошо.

* * *

— У нас есть целых два часа, — Михаил остановил машину, выжидательно разглядывая свою пассажирку. Женя вздохнула.

— Миш, я дико устала. Еле стою на ногах. Самой бы кто массаж сделал...

Мужчина ухмыльнулся.

— Готов предложить свои услуги.

Она рассмеялась и покачала головой.

— Прости, но массажист из тебя никакой, а ко всему остальному я сегодня не готова.

— Даже на чай не пригласишь? Я ведь уезжаю уже завтра. Мы не увидимся целый месяц.

— Извини...

Он ждал совсем не извинений, но других слов не нашлось. Торопливо чмокнула в щеку и выскочила наружу, кивнув на прощанье.

— Я позвоню. Или ты.

Поспешила прикрыть за собой дверь в подъезд, выдохнув с облегчением, лишь услышав шум отъезжающей машины. Она не лгала насчет усталости, только преувеличила немного. Но лучше так, чем заниматься любовью с одним мужчиной, мечтая при этом о другом.

* * *

— Как тебе понравился массаж?
Незабываемые ощущения, правда?

Антон промолчал: вряд ли было бы разумно рассказать о том, что он действительно ощутил во время сеанса. Хотя Кристина не слишком и ждала ответа. В отношении салона, который она рекомендовала мужчине, у нее давно сложилось собственное мнение, не поддающееся никаким воздействиям. А обсуждать с ней Женьку он бы не стал, как и с кем-либо другим.

Даже просто упоминать ее имя не хотелось. Закрыться бы в комнате, погружаясь в собственные мысли. Вспомнить. Обдумать. В который раз попытаться понять.

Она исчезла слишком неожиданно. Подарив ему самую незабываемую в жизни ночь, просто растворилась, будто ее никогда и не было рядом. Пропала бесследно, не взяв с собой ничего из того, что он подарил. Игрушки, украшения, наряды — все оставила. Антон даже не сразу догадался, что она не вернется: ведь вещи были на местах. Все, кроме тех жалких крох, с которыми она пришла в его жизнь. А когда осознал — оказалось слишком поздно. В ее бывшей съемной квартире жили другие люди. В салоне, где Женя тогда работала, администратор недоуменно пожала плечами, сообщив о том, что девушка уволилась как раз

накануне.

Подруги... Он ничего о них не знал: ни телефонов, ни адресов. Пока девушка была рядом, не приходило в голову, что эта информация когда-то может понадобиться. А потом уже понятия не имел, где и кого искать.

Конечно, ему действительно не составило бы труда перевернуть весь город и разыскать ее. Но... почему-то не сделал этого. Очень долго ждал, что она сама вернется. Иначе не могло быть, ведь Женя его любила, даже не пытаясь это скрыть. А любимых не бросают. Но время шло, а ее так и не было. И в сердце вместе с упрямой злостью поселилось какое-то опустошение, глухое равнодушие ко всему, что происходит вокруг. Он машинально работал, машинально встречался с нужными людьми, вновь пустил в свою жизнь других девушек. Продолжал жить. Привык именно к такому существованию. К Кристине, как-то незаметно подошедшей гораздо ближе других. Красивой и правильной Кристине, очень подходящей для него. Только за те три года, что они провели вместе, у него так и не возникло желания произнести ей слова, которые шептал Женьке той ночью, когда она, кажется, уже спала и вряд ли могла что-то слышать...

— Антон! — девушка ворвалась в комнату, усаживаясь к нему на колени. — Милый, мне нужна

новая шуба. Я присмотрела потрясающий вариант на выставке. Отвезешь?

— Крис, тех трех шуб, которые у тебя уже есть, не достаточно? Особенно с учетом того, что в нашем климате это вообще не подходящая одежда.

— Ты меня не любишь! — Кристина обиженно заморгала, кажется, собираясь расплакаться. Такой знакомый ход.

— А ты?

— Что?

— Я спрашиваю: ты любишь? Меня? Или только то, что я могу тебе купить?

Девушка побледнела.

— Антош, что случилось?

Он усмехнулся.

— Ничего. Не понимаю, зачем приплетать любовь туда, где ее близко нет. Ты же не станешь отрицать, что спишь со мной, потому что это удобно? И очень выгодно?

Кристина обиделась уже по-настоящему.

— Я не просто сплю с тобой. Тебе прекрасно известно, как давно я мечтаю о том, чтобы наши отношения стали законными.

Естественно, он знал. Иначе и быть не могло: девушка старалась напомнить об этом при каждом удобном случае. Да, она стремилась замуж, но почему-то, чем сильнее становилось ее желание оказаться в роли его жены, тем больше он

сопротивлялся. Понимал, что лучшего варианта для брака ему не найти, что Кристина станет идеальной в их кругах супругой, но ничего не мог поделать. И успокаивал самого себя мыслями о том, что еще не пришло подходящее время. Он подождет, совсем чуть-чуть, а потом женится. Только это чуть-чуть тянулось уже не первый год, и никак не хотелось сдвигаться с мертвой точки. И было совершенно невыносимо представлять, то на этих холеных пальцах, увенчанных вызывающе длинными ногтями, окажется его кольцо.

Антон невольно подумал о том, что Кристина, если бы решилась когда-нибудь уйти от него, вряд ли бы оставила хотя бы даже заколку. Забрала бы все до последней мелочи. Это не Женька...

При мысли о последней тело опять отозвалось болезненным желанием. Она у него никогда ничего не просила. Это ему хотелось постоянно делать подарки, которым Женя радовалась совершенно искренне, независимо от того, шла ли речь о новом платье или об обычной шоколадке. Невольно вспомнил восторженное ошеломление в глазах, с которым она любовалась букетом орхидей при их первой встрече. Не устояла: простила его нелепую выходку. А теперь не помогут ни цветы, ни что-либо иное. Он ведь так до сих пор и не знает, что случилось. Почему она не рядом. Столько лет не вместе с ним...

Глава 3

К утру ей почти удалось успокоиться, смириться со случившейся встречей. Странно даже, что этого столько лет удавалось избегать в их относительно небольшом городе. Ну и что с того, что они живут в непересекающихся вселенных? Даже там иногда возникают точки соприкосновения. И то, что выбор Антона из всех массажистов города пал именно на нее, вполне можно обосновать: ее работу ценили. Почти все клиенты, однажды попавшие к ней в руки, потом возвращались.

Женя любила свое дело. Мечтала о том времени, когда наконец-то удастся открыть свой салон. Это будет не просто и не быстро, но случится обязательно, она добьется того, к чему стремится уже столько лет. Родители смогут гордиться ею. И Мишка. При мысли о близких людях сердце затрепетало, наполняясь теплой, щемящей радостью. Она непременно со всем справится: есть ради чего. И эти оставшиеся девять сеансов с Антоном переживет. Подумаешь: красивый мужчина. Мало ли таких на свете? При чем здесь вообще она? Пусть наслаждается своей Кристиной.

Об этой девице догадалась случайно, уже

поздно ночью, в сотый раз прокручивая в голове события прошедшего дня. Вспомнила привлекательную и надменную в равной степени, заносчивую и самоуверенную клиентку, которую не слишком любили в салоне, где та, тем не менее, являлась регулярной гостьей. А Жене было все равно. Она не вступала в конфликты, не стремилась никому ничего доказать, если в этом не возникало острой необходимости. Жизнь избалованной, распушенной красотки ее мало интересовала, и лишь в связи с неожиданным появлением Антона всплыли в памяти рассказы той о богатом друге, почти женихе, не чающем в ней души.

Что ж, Кристина и в самом деле хорошо ему подходила. Во всех отношениях. Только почему-то намерения пожелать бывшему возлюбленному счастья даже в мыслях не возникало. Сложно было представить мужчину счастливым с этой... девицей, которая наверняка гораздо больше была заинтересована в содержимом его кошелька, чем в нем самом.

Вздохнула, взглянув на часы: время сеанса неумолимо приближалось. Нужно собраться. Это не так уж и трудно, особенно если почаще вспоминать причину их расставания.

Антон, как всегда, оказался пунктуальным, и Женья вдруг попыталась угадать, как он реагирует на постоянные опоздания своей подруги: за

несколько лет посещения их салона Кристина еще ни разу не явилась вовремя. Чего только любовь не вытерпит? Усмехнулась собственным мыслям, равнодушно скользнув глазами по роскошному букету.

— Это было не обязательно. И цветы обычно дарят в конце сеансов, а не вначале.

— Массаж тут не при чем.

— Нет? Тогда тем более не стоило. Раздевайся.

Не притворялась. Букет выглядел великолепно, как и все прежние подарки, только в сердце ничего не дрогнуло. Проходили. За тот год, что они провели вместе, этих цветов набралось бы целое море. И Женя вдруг запоздало подумала о том, что мужчина ни разу не поинтересовался, какие из них ей нравятся больше всего. Упивалась его вниманием, не понимая, что он не ее одаривает — тешит собственное самолюбие.

Антон молчал долго, словно собираясь с мыслями, и, лишь перевернувшись на спину, перехватил ее взгляд.

— Я должен знать правду.

Забавно. Шесть лет прошло. Если бы правда в самом деле интересовала его, нашел бы возможность все выяснить. А так просто случай подвернулся, снова зачем-то столкнув их вместе.

— Да не напрягайся ты, Антош. Не стоит оно

того...

— Не стоит? По твоему я не имею права понять, почему дорогой мне человек находится не рядом?

— Что-что? — Женя рассмеялась. — А ты ничего не перепутал? О ком вообще сейчас говоришь?

Он опешил. Не было у нее повода смеяться над его... почти признанием в любви.

— О тебе я говорю, и ты прекрасно это знаешь. А вот я не представляю, ЧТО сделал не так! Женя???

— Да ничего ты не сделал! — вздохнула устало: не было никакого смысла в объяснениях. — Я слышала твой разговор с отцом.

В этот момент она массировала плечи, вообще не приближаясь к шее, но внезапно стало тяжело дышать. Больно где-то в глубине. И... стыдно. А ведь он даже не знал, что способен испытывать что-то подобное.

Не требовалось уточнения, какой именно разговор Женя имеет в виду. И хотя было абсолютно невозможно предположить, каким образом могла все услышать, это не отменяло случившегося факта.

— Жень... — голос стал хриплым, словно и правда сдавило горло. — Все не так...

— Нет? — она перебила. — То есть я поняла

неверно? И ты совсем не имел в виду того, что сказал?

Кому-то другому мог бы соврать. Но не ей. Да и нельзя было понять неправильно те слова: они были слишком однозначны. Без вариантов. Но тогда получалось...

Антон даже привстал на кушетке, не веря в то, что внезапно пришло в голову. Придвинулся почти вплотную к серьезному, внимательному лицу.

— Значит, ночью ты уже знала, что утром уйдешь... Так?

— Так... — эхом, его же тоном.

— Тогда ЗАЧЕМ???

— Зачем ушла? Я ведь уже сказала.

— Зачем осталась на ночь? И все, что было... для чего?

Женя пожала плечами.

— Все просто. Я любила тебя. И ту ночь планировала давно. Не увидела смысла что-то менять. Захотелось сделать себе прощальный подарок. Мне кажется, я его заслужила.

Он откинулся назад, на уже горячую от его тела простыню. Закрыв глаза. Честная, как всегда. Хоть бы раз сказала неправду. Так нет же: даже теперь не может это сделать! И куда ему деваться от этого удушающего сожаления?

* * *

Как же она спешила. Скорее, домой. В уютную квартиру, в ставшие такими желанными объятия. Кто бы мог подумать, что столь быстро привыкнет к нему? Хотя год — не такой уж малый срок. Триста шестьдесят пять дней. И ночей. Смущение на щеках горячей волной. Жар — в сердце. Привычно — и неповторимо. Ее сказка, нежданная, но такая важная. Ее дорогой мальчик.

Тронула шелковую ткань в пакете, уже в который раз за дорогу. Антону непременно понравится ее выбор — золото, вместо привычного белого цвета. Белье так потрясающе оттеняло кожу, что Женя даже забыла о стоимости комплекта. Застряла в раздевалке, рассматривая себя в зеркале. Замечталась. Именно сегодня, когда она узнала неожиданную новость, их ждет неповторимый вечер. И ночь, подарком на двоих. А потом она обо всем расскажет и утонет в любимых глазах. А он наконец-то произнесет такие долгожданные слова...

Сказал... Только совсем другое. И не ей.

Не собиралась подслушивать. Терпеть не могла никаких секретов и недомолвок, но увлеченные разговором отец с сыном не услышали о ее приходе. А то, что в их словах расслышала она, заставило замереть, застыть в прихожей с желанием провалиться сквозь землю. И

одновременно втянуть в себя все сказанное, явно не предназначенное для ее ушей.

Она не заплачет. Ни за что на свете не покажет ему свою боль. Ни для того родители учили ее быть сильной, чтобы сейчас сломаться. Не будет этого. Уж точно ни в его присутствии.

Приоткрыла дверь, хлопая так сильно, чтобы в гостиной наверняка обратили внимание. Начала раздеваться, нарочито медленно. Знала: Антон выйдет навстречу. И даже обнимет, как всегда, не стесняясь отца. Уверен же, что ей ничего не известно. Взгляд упал на пакет с дорогой покупкой, и Женя заставила себя улыбнуться. Что ж, отменять запланированный романтический вечер она не станет. Только слегка изменит сценарий.

— Привет...

Губы. Руки. Родные глаза. Лживые. Бесчестные.

— Ты сегодня раньше...

— Я соскучилась... Хотелось скорее вернуться...

А вот это — правда. Не вся, но остального она не скажет. И никто не посмеет упрекнуть ее в том, что она недостаточно искренна. Не обманула ни в чем. И впредь лгать не будет. Просто не скажет о том, в чем он не нуждается.

— Женюш, рад тебя видеть.

С его отцом труднее. Он видит ее насквозь,

будто угадывая мысли. И ласков гораздо больше, чем стоило бы после того, что сказал Антон. Всегда был таким, с самой первой встречи, когда она от волнения не могла выдать ни слова. Улыбался, шутил, стараясь разрядить обстановку, поддерживал одними глазами. Как родной папа, которого давно нет рядом. И которого так не хватает.

Улыбнулась в ответ, и скулы заныли от натянутого движения. А в его глазах — понимание. И такая боль, что слезы почти рванулись наружу. Нельзя. Она ведь ничего не слышала, значит, и плакать ей не о чем.

Прошла на кухню, с облегчением замечая, что Антон не отправился следом. Ей нужно хотя бы несколько минут, чтобы прийти в себя. Чашка горячего чая, любимые травы и совсем немного выдержки.

Мужчина остановился в нескольких метрах от нее, пристально вглядываясь в лицо. Заговорил слишком тихо, и включенный в комнате телевизор наверняка заглушил его слова.

— Слышала?

Женя попыталась изобразить недоумение. Актриса из нее неважная, но, может быть, на этот раз повезет, и он поверит?

— Сделайте Вам чай? Очень вкусный.

Пропустил слова мимо ушей. Вместо ответа

сказал совсем другое.

— Малыш, только не делай глупостей.

Нельзя ее утешать, от этого только больнее!
Она закусил губу, чтобы хоть как-то удержаться
рвущиеся наружу рыдания.

— Я не понимаю, о чем Вы.

— Женя... Я поговорю с ним. Еще раз. Он
просто не понимает... Попробую объяснить.

А если ли на самом деле смысл притворяться
перед этим мудрым человеком? Уж он-то точно
достоин правды.

— Вы думаете, мне нужен мужчина,
который находится рядом, потому что с ним
поговорили?

— Ты лучшее, что есть в его жизни. И в моей
за много лет.

— Это уже не имеет значения.

Он помолчал, продолжая рассматривать ее.
Вдруг притянул к себе коротким, бережным
жестом.

— Женька, я не хочу, чтобы ты исчезла.
Сейчас, когда он слеп.

— Я не собираюсь становиться для него
врачом. Не в этом случае.

— И ты сможешь уйти? Просто так, словно
не было этого года?

Зря она не сделала этого тогда, в ресторане.
Теперь все будет намного сложнее. И больнее.

— Смогу. Не просто, но смогу. У меня нет иного выхода.

* * *

— Тебе надо отдохнуть, Антон. Я не про пятнадцать минут после сеанса. Нормально отдохнуть. Уехать куда-то. Ты когда последний раз был в отпуске?

Все, что он натворил, в любом случае было в прошлом, с парнем, которого она любила. А тот человек, который сейчас стискивал зубы, скрывая боль в напряженных мышцах, явно нуждался в отдыхе.

— Ты очень рискуешь. Еще немного такого образа жизни — и обычный массаж не поможет.

— А тебе не все равно?

Злой, раздраженный голос. Не надо его жалеть, всегда терпеть этого не мог. А теперь — особенно, после того, что узнал. Она ненавидеть его должна, а не сочувствовать.

Женя проигнорировала заявление.

— Тебе много дано, а ты пользуешься этим так небрежно. Думаешь, твоя идеальная Кристина останется рядом, когда ты спину разогнуть не сможешь? Ветром сдует быстрее, чем опомнишься. А другую столь подходящую невесту еще поискать надо. Так что береги... сокровище.

Она не шутила. Не ревновала. Даже не обижалась. И осознав это, мужчина опять задохнулся липкой, глухой тоской: предпочел бы любое из этих чувств равнодушию, так отчетливо читающемуся в ее глазах.

Глава 4

Антон прошел мимо охранника, бросая на ходу слова приветствия, холодно кивнул секретарше, торопливо поднявшейся навстречу. Они заискивали, как всегда. Как большинство окружающих его людей. Почему? И почему в глазах Женьки не было не только подобного выражения, но даже обычного расположения к нему? Равнодушие. Непреклонность. Будто он пустое место.

Ворвался в кабинет отца, прерывая какую-то встречу. Обычно не допускал таких поступков, но теперь не узнавал самого себя. Хотелось кричать, крушить, разнести все вокруг. Или вернуться назад, в этот идиотский салон и зарыться лицом в ее волосы. Встряхнуть, растопить лед в глазах, возвращая то неповторимое обожание, которым она одаривала его. Так давно.

Почему это все так зацепило его? Теперь, спустя столько лет? Ведь жил же, все реже вспоминая о ней. И даже находясь рядом, не

рассчитывал ни на что серьезное. Временное увлечение, девушка, с которой он никогда бы не связал свою судьбу. Радоваться бы, что она помогла избежать непростых объяснений — но нет: ему все мучительней хотелось вернуть... то, чего и не было никогда.

— Антон, что происходит? Кто перешел тебе дорогу с утра?

Выдержка отца всегда потрясала. С самого детства он был для него не только образцом для подражания и непререкаемым авторитетом, но и другом, самым верным, тем, на которого можно было полагаться больше, чем на самого себя, чьей мудрости хотелось учиться. Особенно в жестком и категоричном мире бизнеса его поддержка всегда выступала чем-то вроде спасительного якоря. И Антон не боялся ни штормов, ни крушений: уроки самого близкого человека не прошли даром, а присутствие, даже незримое в жизни всегда служило источником дополнительных сил.

Он и сейчас ждал, скорее всего, неосознанно какого-то совета. Если не откровения, то хотя бы намек о том, как ему действовать дальше. Ведь, похоже, что и тогда, шесть лет назад, отец был прав, говоря ему о Жене. Внушая слова, которым Антон отказался внять.

Этой девочке как-то очень быстро удалось занять в его сердце необычное место. Чем она привлекла его? Даже самому себе не получалось дать ответ. Было в ней что-то, слишком сильно отличающее от других.

Искренность, к которой парень не слишком привык? Открытость, с которой она двигалась по жизни? Всему, что делала, отдавалась целиком. Работе, в которой она действительно оказалась массажисткой, как бы странно это не выглядело. Ужину в ресторане, как тогда, при их первой встрече. Простому солнечному дню.

Ему нравилась ее непосредственность, доверчивость, каким-то удивительным образом уживавшиеся с необычайной рассудительностью и практичностью. Женя мечтала о времени, когда сможет открыть свой салон. Не просто мечтала — предпринимала определенные шаги. Готовилась к поступлению в институт на факультет экономики, чтобы самой разбираться в насущных вопросах. Парень не верил в ее успех, слишком хорошо понимая, какими путями обычно идут к вершинам те, кто не обладает деньгами. Девушка на подобное была не способна, а спонсоров у нее не имелось. Небогатые родители, жившие где-то в глубинке, могли помочь дочери лишь словами ободрения да молитвами, и хотя Антон ценил и

такое внимание со стороны близких, все же был уверен, что для процветания этого явно недостаточно.

В какой-то момент ему даже показалось, что во встрече с ним Женя искала решение своих проблем, но эту мысль он быстро отбросил. Она даже подарки от него принимала лишь потому, что он настаивал. И гораздо больше радовалась цветам или сладостям, чем одежде и украшениям: еще одна непривычная черта в ней, так резко отличающая от прежде знакомых девушек. Большинство из них стремились как раз к противоположному, за исключением одной... но о ней он вспоминать не любил.

— Антош, у меня все есть. Правда. Я не вижу смысла забивать шкаф вещами, которые некуда одеть. Десятки платьев — для чего? В моей жизни нет такого количества событий, что требовало бы бесконечной смены нарядов.

Он никогда не соглашался с ней вслух, но не признать правоту не мог. Даже в тех вещах, которыми Женя владела, она умудрялась выглядеть действительно по-королевски. Царственная осанка. Изумительная фигура — повод для непрерывного внимания мужчин и его ревности. Манеры аристократки.

Кто ее научил всему этому? Престарелый отец, о котором она отзывалась не иначе, как с

восторженной гордостью?

— Когда-нибудь я познакомлю тебя с ним... Он замечательный. Он умеет любить и знает, как правильно жить на свете. И он богат. Нет, не деньгами. Его душа щедрая и светлая, и людям, которые находятся рядом, всегда становится теплее. Знаешь, он всегда называл меня принцессой. В детстве я не понимала. Наш домик был крохотным, гораздо беднее окружающих. А принцессы ведь должны жить во дворцах. А он учил, что царство создается в сердце. Не важно, во что ты одет, если душа нищая. Если нет любви.

Антон не понимал этих разговоров. Любовь... Конечно, она имеет значение, но не тогда, когда человеку нечего есть. Странно было слышать рассуждения о родительской любви от девушки, которая была вынуждена сама зарабатывать себе на жизнь, потому что ее отец и мать не обеспечили ей безбедного будущего.

Сам слишком хорошо знал о любви, царившей в его семье. Пока была жива мать, их счастье являлось абсолютно полным и не омраченным ничем. А потом они уже вдвоем с отцом продолжали жить по тем правилам, которые всегда были аксиомами. Но иначе мыслить не получалось. И Жене не возражал лишь потому, что не хотел ссориться с ней. Хотя, кажется, она и так все поняла, и сияющие глаза потускнели,

наполняясь горьким сожалением — первым в бесчисленной череде тех обид, которые он ей нанес.

* * *

— Кристина записала меня на массаж, — хмыкнул, невольно признаваясь в собственной слабости. Отец знал о его проблемах со спиной, но говорить об этом не хотелось. Даже с ним.

— Вот как? Что ж, какая-то польза от твоей Кристины. Не ожидал... И удивлен... приятно.

Антон неожиданно разозлился.

— Чем она тебя не устраивает?

— Сын, если она устраивает тебя, все остальное не столь важно. Хотя... я давно не видел радости на твоём лице.

— Я просто устал.

Отец недоверчиво хмыкнул, однако не стал возражать. Спросил другое:

— И как массаж? Полегче?

Полегче? Если бы... В другом случае — возможно. Антон ведь и пришел высказать о том, что кипело в душе.

— Это оказалась Женька, — пояснил в ответ на недоуменный взгляд. — Массажистка — Женя. Та самая... Моя...

Отец долго молчал, а потом ... расхохотался.

— И как тут не вспомнишь о судьбе? Ну, а ты чем недоволен?

Хороший вопрос. Только ответа на него нет и в помине.

— Я ей не нужен.

Смех стих, сменившись пристальным озадаченным взглядом.

— Тебя это удивляет? Теперь, спустя шесть лет? А что ей оставалось делать все эти годы? Изнывать от любви?

Антон насупился.

— Я ее не гнал — сама ушла.

Отец кивнул.

— После того, как ты дал понять ее место в твоей жизни.

Понимание взорвалось в голове раздражением, смешанным с обидой.

— Ты знал?!!

— Да тут и знать нечего, — суровый тон несколько охладил его пыл. — Достаточно было взглянуть на ее побелевшее лицо, чтобы понять, что девушка слышала наш с тобой разговор. И ты бы заметил, если бы не смотрел лишь на себя самого.

Как пощечина, жесткая и... заслуженная. Только не готов он признаваться в том, что был не прав. Сам не верит в это... пока.

— Ты ее защищаешь?

— Она в защите не нуждается. А вот твое

поведение меня беспокоит. Что ты задумал?

— Хочу ее вернуть.

Не отцу признался — себе. Озвучил, наконец, то, что скопилось за годы. Боль, жажда, стремление найти в глазах этой женщины то, что так безрассудно утратил. Почему — не знал, но отступить не собирался.

Михаил Константинович нахмурился.

— Антон, опомнись. Она ведь не вещь, которая тебе внезапно понадобилась. Да и не одна давно.

— Откуда ты знаешь?!

Неопределенный взмах головой.

— Встретил как-то на улице. Разговорились.

Неважно. Она его любила. Значит, это чувство можно воскресить.

— Антон, нет. Зачем она тебе?

Потом выяснит. Когда получит то, что становится все более вожделенным с каждой минутой.

— Как же Кристина? Ты ведь утверждал, что она самая подходящая жена для тебя.

— С Кристиной я разберусь.

— Не могу поверить... — в глазах отца отразилась такая боль, что мужчине на мгновение стало жутко. — В голове не укладывается, что все это слышу от тебя. Это я вырастил такого монстра? Мы ведь говорим о живых людях, Антон! В этом

мире далеко не все подчиняется твоей воле.

— Не все... — он задумчиво кивнул, внезапно осознавая, что остановился на краю. Его жизнь никогда уже не будет такой, как прежде. Но и назад не пойдет. Только в эту неизвестность, кажущуюся такой притягательной. — Остальное подчинится моим деньгам...

А теперь — прочь. От пронзительного укоряющего взгляда. От ужаса в глазах самого родного человека, пока он не заставил передумать. Как можно дальше...

* * *

Застывший за рабочим столом мужчина не помнил о времени. Давно наступила ночь, но он не собирался спать, на протяжении уже множества часов погруженный в собственные мысли. В который раз тронул рукой изображение на снимке, по-прежнему яркое, сохранившее в своих красках светлые и горькие воспоминания о слишком рано ушедшей любви.

— Что я сделал не так, родная? Где допустил ошибку?

Он впервые так отчетливо ощущал свой возраст. Даже больше: чувствовал себя почти стариком. Сердце ныло, спирая дыхание, звенело от страха из-за того, что предстояло сделать. Один

неверный шаг — и он лишится всего, что еще осталось ценного в его жизни. Не денег — эта сторона не волновала. Отдал бы все до копейки, лишь бы исправить то, что упустил где-то в суете дней, погруженный в дела, в работу. Но то, что было необходимо сейчас, не продавалось. Стоило намного дороже. Жизнь на кону. Счастье. Доверие. Любовь. Или пустота, если его расчет окажется неточным.

— Помоги мне... — женщине, которая наверняка слышит, хоть и находится бесконечно далеко. И в темноту ночного неба, в распростертый над головой звездный шатер, мудрый и вечный.

Закрыв глаза, взвешивая в очередной раз, ощущая себя словно на минном поле, где малейшее движение не туда может привести к смерти. Но не рискнуть не мог: если есть хоть малейший шанс, он им воспользуется.

Не смущаясь предрассветных часов, набрал номер, к которому не обращался долгие годы: у него было право звонить в любое время. И ответ прозвучал быстро, будто его звонка ждали, подтверждая правоту сделанного шага.

— У меня есть для тебя дело...

Глава 5

Ей бы следовало злиться на него. Хотя бы

возмутиться беспросветной наглостью и такой самоуверенностью, которую в любом другом человеке она не смогла бы не обличить. Но Антон...слишком напоминал избалованного мальчишку. Не плохого — как раз напротив: чудного, немного наивного и бесконечно любимого, несмотря на все его ошибки. Нет, в ее сердце не осталось чувств к этому взрослому мальчику. Не должно было остаться. Но и сердиться на его нелепые выходки не находилось сил.

Почему он снова вернулся в ее жизнь? Теперь, когда все уже перегорело? Она почти отвыкла от боли, стершейся за столько лет. Перестала обижаться. Кормить обиду — неблагоприятное занятие: легче от этого не становится, а душа пустеет. Все это время Антон оставался для нее красивой сказкой, так и не превратившейся в реальность, наполнившей жизнь легким оттенком грусти. Частенько вспоминались слова мамы о том, что любовь не заслуживается. Ее нельзя купить, невозможно украсть, она или приходит сама в жизнь как фантастический дар, либо ее просто нет вообще. Женя нередко пыталась спорить, рассуждая о том, как важно трудиться для созидания этой самой любви, но в мудро-снисходительной материнской улыбке всегда таился ответ на ее вопросы. В фейерверке

праздников, в суете будней любовь могла существовать лишь добровольно, не взамен чего бы то ни было, а ради... Улыбки. Понимания. Щедрой радости, насыщающей жизнь другого человека.

Девушка пыталась так жить, и не ее виной стало то, что Антон не захотел этого подарка. Но и судить его у нее не было права. Когда улеглась тоска и высохли слезы от неизбежного расставания, это удалось понять. Принять. И даже идти вперед, подводя итоги и пожиная плоды совершенных поступков.

Жалела ли она о том, что случилось? Ей лишь однажды задали этот вопрос вслух, но, глядя в строгие, пресыщенные горечью глаза, Женя ответила в первую очередь самой себе: нет.

Он был ... ураганом, ворвавшимся в ее размеренную, распланированную жизнь, разодравшим на мелкие кусочки уравновешенную повседневность. Огнем, опалившим на короткое время, но научившим ярко гореть. Не для себя. Глубоким безбрежным морем, чьи воды могли быть прозрачными, как роса, и мутными, подобно потокам дождя на растрескавшемся асфальте.

Все пришедшее в жизнь потом не шло ни в какое сравнение с уже совершившимся. Вроде бы правильный и внимательный Михаил посетил ее дни и ночи, но не тронул сердца, не сумел проникнуть туда, где ему изначально не было

места. Хотя он и не слишком стремился к этому. Женя стала для него убежищем от одиночества, другом, готовым выслушать, в чем-то даже дорогой женщиной... Но они были так похожи друг на другой горькой отрешенностью и какой-то почти равнодушной монотонностью, что женщина с трудом представляла их вместе в течение долгого времени. А о слове «навсегда» даже упомянуть не могла. Миша, похоже, разделял такие мысли, иначе чем иным можно было объяснить полнейшее отсутствие любых попыток с его стороны сдвинуться в сторону совместной жизни? Они были вместе, и при этом — каждый сам по себе, и обоим это устраивало. До недавнего времени, когда руки быстрее сердца вспомнили сладость запретных прикосновений...

* * *

Почему-то с ним было не страшно. Антон заражал ее своим энтузиазмом, энергией, которая буквально была ключом. Женя не уставала восхищаться: напористостью, порой граничащей с дерзостью, непоколебимостью решений, такой уверенностью в самом себе, что порой это даже вызывало зависть. Если поначалу она восприняла парня лишь как богатенького папиного сыночка, привыкшего получать все и сразу, то в дальнейшем,

чем больше они общались, тем больше она видела в жизни Антона результаты его собственного труда. У него вполне были основания гордиться собою. Собственная империя, построенная далеко не за счет родительской щедрости, вызывала уважение. А смешливые глаза и кипящая в каждой клетке сила заставляла терять голову. Это ей-то, никогда прежде не поддающейся соблазнам! Хорошо видящей разницу между ними.

Но что до здравого смысла, когда его обаяние было таким привлекательным? Ухаживания — как в сказке. За несколько недель квартирка девушки превратилась в оранжерею, где одни букеты сменялись другими, не успев даже завянуть. Она перепробовала всевозможные сладости, побывала в самых крутых ресторанах города, куда самостоятельно добиралась бы еще несколько лет.

О, да, рестораны были отдельной темой! Женья все-таки призналась Антону, что привело ее в столь дорогое заведение в памятный день их встречи. Не могла не раскрыть своих секретов человеку, становящемуся с каждым днем все ближе.

Ее работу нельзя было назвать прибыльной, но на жизнь вполне хватало, а взятые дополнительно клиенты обеспечивали не только ценный опыт, но и некоторые излишки средств, часть из которых Женья откладывала для

осуществления своей мечты. А другую часть... тратила на себя. На маленькую сказку, которой всегда хотелось девочке, только называющейся принцессой. Она позволяла себе покупки дорогих вещей, которыми прежде в течение нескольких месяцев любовалась на витрине элитных бутиков, или поужинать в ресторане, куда обычные люди дороги не знали. Хотелось прикоснуться к иному миру: богатому, красивому и очень впечатляющему, прикоснуться заслуженно, наслаждаясь тем, что за все это очарование она может заплатить сама. Хотя бы и всего раз в год или того реже.

Антон, кажется, не понял ее. Для него посещение подобных мест было само собой разумеющимся делом, и он был вполне рад пригласить девушку в незнакомые для нее рестораны. Но эффект оказался совсем другим: она не испытала даже части той радости, которую переживала прежде, попадая в такие заведения как королева, а не как золушка в сопровождении доброго принца.

Хотелось быть равной ему. Не просто девушкой, которую он готов облагодетельствовать, а кем-то намного ближе, роднее, слиться мыслями и желаниями. А получалось почти всегда лишь последнее...

На очередной сеанс Антон явился с огромным пакетом ... апельсинов. Сочных, солнечных и таких удивительно ароматных, что Женя растерялась от собственной реакции. Ей понравилось. Во всяком случае, это точно было оригинальней цветов и конфет. И странно дернуло внутренность мыслью о том, как однажды она призналась о своей привычке пить по утрам апельсиновый сок. Не мог мужчина это запомнить: даже когда они жили вместе, ему не приходило в голову купить что-то подобное. Дать денег — пожалуйста: выбирай сама, чего душа жаждет. Так чаще всего и происходило: он предпочитал ждать ее в машине возле торгового центра, с трудом выдерживая походы за покупками.

Потому и предположить, что спустя шесть лет Антон случайно вспомнил о ее вкусах, было довольно трудно. Женя решила ограничиться мыслями о том, что это совпадение. Пусть приятное, но не более того.

Сдержанно поблагодарила, унося пакет в свой кабинет. Пока Антон раздевается, у нее есть несколько минут — попробовать сочный подарок, всегда потрясающе снимающий усталость. Она только взялась за нож, как горячий шепот обжег кожу на шее:

— Угостишь меня?

И когда он успел подкрасться?! От неожиданности дернулась и в тот же миг ощутила острую, пронзительную боль в руке: нож соскочил с упругой кожицы плода.

Последний раз что-то подобное случилось, наверное, еще в детстве, когда Женя только училась готовить. Тогда рядом была мама, умело и быстро справляющаяся с порезами, так что дочка почти ничего не ощущала. Теперь же, вскрикнув от перемешанной с болью растерянности, машинально дернула руку ко рту. По бледно-голубой ткани костюма расплзлись багровые пятна.

Антон, глухо выругавшись, обхватил ее за запястье. Сжал, добавляя боли, набрасывая на порез полотенце.

— Прости...

Ткань пропиталась мгновенно.

— Прости меня. Женечка... Я придурок.

Она выдавила улыбку.

— Сама виновата. Нашла время лакомиться апельсинами. Гнать тебя надо было сразу, как только появился на горизонте, а не подарки принимать.

Кровь не останавливалась, уж почти капая с набухшего от влаги полотенца.

Мужчина кивнул.

— Прогонишь. Потом. Женя, здесь, кажется, зашивать надо, глубоко очень. Я отвезу в больницу.